

УДК 130.2

Свое – чужое – наше как алгоритм развития культуры

Кургузов Владимир Лукич

Доктор культурологии, кандидат исторических наук,
завкафедрой культурологии и социокультурной антропологии
Восточно-Сибирского государственного технологического университета,
670013, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40-В, строение 1;
e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Аннотация

Определить, что в культуре человека «свое», а что «чужое» – сложно. Автору представляется, что у человека кроме его телесности и сугубо личных (чистых, без чужого влияния) креативных идей и деяний вообще все «чужое», точнее сказать подброшенное «чужой» культурой. Чистой по своему происхождению без заимствований культуры обнаружить никому не удалось. Такой культуры, просто, нет. Она всегда конгломерат «Своего» и «Чужого». На примере заимствований в языке можно заметить, что дихотомия «Свое» – «Чужое» с течением времени сливается в диалектическом единстве и порождает триаду: «Свое – Чужое – Наше». Время разбрасывать камни – прошло, пора их собирать. Поэтому, сегодня в чужой культуре надо искать не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет. Последнего – всегда больше. В итоге мы получим гуманное – «Наше». Алгоритм развития культуры: «Свое – Чужое – Наше» универсален, как во времени, так и в пространстве культуры.

Мне представляется, что в многонациональной России нам давно пора начать серьезную переоценку не только *своих*, но и насильственно внедряемых нам сегодня *чужих* традиций и обычаев. Ревизия, а затем и синтез «продуктов» такой переоценки даст нам желаемое – *Наше*. Критерий отбора *Чужого* должен быть один – гуманизм. Работает такая «чужая» традиция на человеколюбие, на возвышение нравственности человека – стоит ее сделать «своей». Не работает – потакать ей во имя будущего просто

преступно. Иными словами, нам надо не забывать о том, что отношение к «чужому» (иному) может быть различным: от восхищения и подражания до критики и неприятия. И этого не стоит бояться. Это нормально!

В связи с этим, в гипотетических представлениях мне видится пока что три сценария решения человеческих проблем. По *первому* из них человечество когда-нибудь все равно *объединится* в обще планетарную «нацию», стремящуюся сохранить только те интернациональные традиции, которые возвышают и облагораживают человека, способствуют его дальнейшей гуманизации.

События могут развиваться по *второму*, дезинтеграционному сценарию. Этот сценарий, условно говоря, может *разъединить* человечество по дихотомиям культур: «Восток – Запад» и «Север – Юг», или по религиям, например, ислам – христианство, язычество – буддизм. И такие тенденции мы можем обнаружить сегодня без особого труда.

И, наконец, *третий* сценарий, который в большей степени, касается России. Сегодняшняя Россия, бездумно прикрывающаяся *евразийской* идеологией в самых разных ее исполнениях, напоминает двуликого Януса, потому что, прикрывая свою расовую и культурную неопределенность, оправдывает некой мифологемой «третьего пути». Именно за это Россию не любит Восток, ибо она мыслится ему как неумелый эпигон Запада. Ну а Запад в свою очередь, не принимает Россию за ее неизбывную азиатчину.

Нас не любят за то, что уже несколько столетий подряд мы пытаемся усидеть меж двух стульев. Мы до сих пор не примкнули ни к чему, все, выхаживая наше мичуринское древо «третьего пути». Очень жаль, что, выбрав «третий путь», мы окружили себя врагами, не приобретя надежных союзников. Формировать и беречь культурные ценности надо, прежде всего *СВОИ*, пусть даже, если они и были изначально не наши – *ЧУЖИЕ*, а не хвататься бездумно по очереди, то за западные, то за восточные, то за общечеловеческие, то за евразийские. В этом мне видится залог успеха в формировании могучей, а главное, самодостаточной России.

Ключевые слова

Культура, алгоритм, свое, чужое, наше, традиция, память слово, язык, заимствования, выбор, синтез, гуманизм.

На первый взгляд, проблема *своего* и *чужого* в культуре – это тема отвлеченной философии, под которым древние греки, как известно, понимали «праздномыслие, ни к чему не обязывающие мысли на досуге». Затюканный житейскими заботами человек даже и думать не будет о том, с какой практической целью, и к какой стенке прилепить это самое «свое» – «чужое». Спешащему человеку совершенно безразлично, какой автобус его повезет: *свой* российский или *чужой* – корейский... Главное, чтобы довез куда надо... Однако тема *своего* и *чужого* в культур-философии не надуманна и не так проста, как кажется на первый взгляд, и, безусловно, важна для культурологического дискурса.

Действительно, легко ли определить в человеке, что в его культуре *своего*, а что пред внесено за долгую жизнь *чужого*, давно уже ставшего своим? Не побоюсь упреков в излишней категоричности, если скажу, что у нас кроме собственной, личной телесности, вообще крайне мало *своего* – почти все *ЧУЖОЕ*, «подброшенное» нам культурой, образованием, воспитанием в течение жизни. Если какой-нибудь современный интеллектуал, пусть даже обремененный дипломом академика, ответит мне на вопрос:

«Кому, конкретно, принадлежит культура укрощения огня или идея создания колеса?», то такому человеку уже при жизни надо поставить памятники из чистого золота на всех континентах Земли. Но мы то этим «чужим» огнем и колесами, изобретенными «чужими» людьми, пользуемся и до сих пор! Исключительно своим у меня будет только то новое и уникальное, что рождено моим интеллектом и сугубо моим персональным творчеством. Но такие «роды», во-первых, происходят не так часто даже в жизни супер-креативной личности, а во-вторых, этот самый «мой интеллект», если хорошо подумать, не такой уж и мой...

Какой-нибудь перс может сказать, что плов, например, чисто национальное блюдо арабо-исламского культурного ареала. «Ошибаетесь, уважаемый!» – отвечу я ему. По одной из версий плов вам завез Александр Македонский, который в своем походе на Индию кормил этим сытным и вкусным блюдом своих воинов в неприхотливых полевых условиях, приготовленном из имеющихся в избытке подручных средств.

«Граница между своей и чужой культурами, – отмечает патриарх отечественной философии культуры В.М. Межуев, – устанавливается ...

в силу не только внешнего принуждения, но и нашего свободного выбора». «Её не всегда легко распознать, – подчеркивает он, – но именно она устанавливает в культуре то, что подлежит научному изучению, и что является продуктом философского осмысления»¹.

Говорят (и правильно делают!), что язык – есть зеркало любой национальной культуры. Поэтому патриотично настроенные россияне с возмущением пишут о чудовищном искажении современного русского языка, который подвергается сегодня засилью иностранных (в основном английских) слов. Полноте, скажу я. Он давно уже «засорен» до такой степени, что, по мнению одного из самых авторитетных отечественных лингвистов Б.В.Казанского, «на две трети состоит из заимствованных слов, т.е. *чужих*, не наших. Да и из оставшейся трети значительная часть слов не имеет права на русское происхождение, хотя нельзя установить их заимствования»².

Космополитичность сознания современного российского человека,

глобалистические тенденции, отраженные в языке, социальная престижность всего иноязычного, постмодернистская тенденция к языковой игре обусловили активизацию процесса заимствования на всех языковых уровнях – фонетическом, лексическом и грамматическом. В целом в нашем обществе сформировалось негативное отношение к языковым заимствованиям, что нашло свое косвенное отражение в Федеральном Законе «О государственном языке Российской Федерации» от 25 мая 2005 года. Запрещая «использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского языка», законодатели причисляют к ним иноязычную лексику, хотя сами сплошь и рядом допускают использование иностранных слов.

На мой взгляд, подобные попытки ограничить процесс активного иноязычного заимствования совершенно безрезультатны. В народе говорят: «Не плюй против ветра». Процесс заимствований – должен быть естественным. Его нельзя ни подгонять, ни тормозить, даже путем принятия специальных законов. Если завтра в России появится закон, который обяжет всех особ женского пола называть «сударынями», (что с моей точки зре-

1 Межуев В.М. Свое и чужое в культуре // Теоретическая культурология. – М., 2005. – С. 122.

2 Казанский Б. В. Приключения слов. – СПб.: Авалонъ, Азбука-классика, 2008. – С. 23.

ния, было бы весьма желательно), то жаргонизмы типа «чувиха», «киска» и даже «телка» никуда не исчезнут. С другой стороны, бороться надо не с заимствованиями как таковыми, а с заимствованиями, ничем не оправданными. Зачем я буду возмущаться применением, например, слова «телевизор», если его никогда не было в моем родном русском языке? А вот по поводу слов «бартер», «шопинг», «мониторинг» «экслюзив» «тинейджер», «рекет», «триллер», «плейер» или «киллер» и пр. – можно выразить и патриотическое негодование, ибо этим и многим другим подобным словам есть масса синонимов в русском языке.

Огорчаться же по поводу иноязычных заимствований вообще – пустое дело. Немецкий, французский и английские языки столь же пестры по составу своего словаря. И в этом нет ничего обидного для самолюбия любого патриота. Возьмите для примера «Большой Оксфордский словарь» и посмотрите, сколько там осталось слов от родного языка туманного Альбиона? Галактика *чужих* слов из языков народов колоний Великобритании. Разве в Темзе водились когда – либо аллигаторы? Но современный англичанин считает это слово «своим», а не «чужим».

Любой здравомыслящий человек понимает, что заимствования «чужого» неизбежны с развитием культуры, с усвоением и освоением новых вещей. Например, до открытия Америки у нас просто не могло быть таких понятий как *картофель, табак, хина, ананас, томат, маис, какао, шоколад*. Мы не могли знать, что такое *кондор, пума, томагавк, вигвам, гамак, каучук, мокасины*. Со временем мы освоили эти слова и употребление их в нашей русской речи давно уже не вызывает никаких возмущений. Дихотомия «Свое – Чужое» с течением истории сливается в диалектическом клубке, и порождает, на мой взгляд, триаду: «Свое – Чужое – Наше», которую практически очень трудно разорвать, а, главное, доказать, что нечто «чужое», уже давно стало «своим» и «нашим».

Далеко не каждый знает, что заимствованиями являются многие старинные слова, совершенно обруселые и глубоко вошедшие в состав русского языка. К ним относятся, например, *хлеб, ситец, хозяин, крестьянин, хата, долг, бумага, изьян, болван, махровый, бутылка, топор, книга, серьга, пуговица, сирень*.

Оказывается, что нерусскими являются почти все названия домашних животных: *собака, пес, лошадь,*

конь, осел, коза, кот, вол и баран; названия овощей: капуста, брюква, лук, морковь, редька, огурец, свекла, тыква, а также хмель, мак, конопля, гречиха; название плодовых деревьев: груша, вишня, черешня; таких привычных предметов обихода, как миска, кадка, стакан, лохань, плошка, кочерга, корзина, куль; таких, казалось бы, чисто русских, вполне народных частей костюма, как шуба, зипун, кафтан, армяк, юбка, блуза, сорочка, шапка, картуз, лента, сапог, башимак; и даже слова, выражающие такие понятия, как куцый, дума, грубиян, кочевать, муровать, пай, пеня, пара, потрафить, скарб, смаковать.

Я, например, к стыду своему, не знаю ни одного чисто русского имени. В основном наши имена – греческие, древнееврейские, тюркские, реже немецкие. Даже, как по ошибке полагают многие, «исконно русские» имена – Иван и Марья – заимствованы из древнееврейского и происходят от слов Иоанн, что означает «милость Божья» и Марьям, что по одной из версий означает – «отвергнутая», по другой – «печальная». В этой связи иногда из-за незнания перевода имени возникают курьезы. Например, мужское имя Фома переводится с греческого как «тюлень», а Филипп –

в общем-то – «любитель кобыл». Женское имя Лия после перевода вообще неблагозвучно – «телка».

История подобных заимствований является вместе с тем историей культурных связей русского народа в круговороте веков. И чем дальше движется эта история, тем шире и разнообразнее становятся сношения, и теперь уже в русском языке имеются представители не только европейских языков, но и всех азиатских, и даже некоторых африканских, индийских, австралийских заимствований. Ну и что ж, что слова: «кимono», «сакура» или «суши» – японские? Сегодня они уже давно стали не только моими (т.е. для меня не чужими), но и нашими. А вот русское слово «спутник» на многих языках народов мира так и звучит – спутник.

Если бы отечественные лингвокультурологи попытались комплексно исследовать проблему *Своего* и *Чужого* в русском языке, то они бы сумели ответить на очень важный вопрос: чем русская культура обязана каждому из своих соседей, и какие эпохи влияния и общения она переживала? С другой стороны, глубокий анализ заимствованных слов в нашей речи был бы полезен для того, чтобы усвоить и утвердить правильный взгляд на так

называемые «этническую» или «национальную» культуры.

Каждый человек имеет право находить поэзию «своей» культуры в русской избе, украинской хате или бурятской юрте, любоваться старинным кокошником, сарафаном или расшитыми степными узорами унтами, но нельзя видеть в подобных вещах неотъемлемые элементы какой-то особой «русской», «украинской» или «бурятской» культуры, каких-то проявлений особого «русского», «украинского» или «бурятского» духа.

Надо понять одно, что русская культура (как и другие культуры) была неоднозначной в разные эпохи истории, ее структура была всегда разнообразной и сложной, собранной из разнородных элементов, заимствованных с Востока и Запада. «Чистой» по своему происхождению культуры еще не найдено нигде, ни на какой ступени исторического развития. Она всегда – конгломерат *Своего* и *Чужого*. Тот, кто утверждает иное, либо безнадежный утопист, либо шарлатан. Бояться надо и того и другого, ибо Н.А. Бердяев прав, когда завещал нам: «Бойтесь утопий. От них происходят все беды на земле»³.

3 Бердяев Н.А. Утопия // Русская философия в конце XIX начале XX веков. – М., 1990. – С. 133.

Это, конечно, не означает, что культура – «сборная солянка», чисто механическая смесь различных элементов. Культура – это, прежде всего, система, и, как любая система, является неким единством, которое подчиняет усвоенные элементы общему пониманию, характеру, стилю, данной территории, эпохи, общественной группы, хотя это единство никогда не бывает сплошным и полным. Как я уже говорил выше: язык – это тоже своего рода культура. И, несмотря на огромное множество заимствованных слов, русский язык остается все же – русским. Но стремление цепляться за те или другие элементы культуры или формы языка, считая их какими-то особенно или истинно русскими, «своими», не имеет, по существу, никаких оснований.

В работах академика Д.С. Лихачева всегда бросается в глаза то, что он неустанно подчеркивал – что величайшими основами нашей культуры являются *традиции* и историческая *память*. Может быть сегодня, во времена беспамятства, это и становится особо актуальным. «Но только ли традиции и память связывают нас с культурой?» – задает вполне обоснованный вопрос В.М. Межуев.

В своей статье «Свое и чужое в культуре» он справедливо утверж-

дает: «Наши надежды, цели и идеалы значат для культуры не меньше, чем традиции, и не всегда прямо совпадают с последними. Живя в современности, трудно ограничиться одним прошлым. В нем многое приходится переосмысливать, создавать заново или заимствовать у других народов. Без этого культура, которую мы считаем своей, – всего лишь исторический реликт, место которому в музее, а не в жизни. Вопрос о «своем» в культуре – всегда поэтому новый вопрос, решаемый посредством не только памяти, но и воображения»⁴.

Мне глубоко импонирует последняя мысль, которую уважаемый Вадим Михайлович, хотя и не комментирует, но которая от этого не теряет своей фундаментальности и значимости. Речь идет о *воображении*, уникальной функции нашего головного мозга, благодаря которой и родилась культура и которая, наряду с природой, является важнейшей формой бытия человека, без которой человечество существовать не может. Именно способность к воображению дает нам возможность проектировать весь искусственный мир, начиная от швейной иголки и примитивной частушки, до космической ракеты или выдаю-

щейся симфонии, которые и являются артефактами и артеактами культуры.

В персоналистской парадигме *традицию* можно репрезентировать как категорию близкого, знакомого, родного, т.е. – «своего», а *инновацию* – как категорию нового, необычного, незнакомого т.е. – «чужого». Однако сегодня, в немалой степени под воздействием процессов глобализации, когда привычки, одежда и поведение людей в мире становятся все более одинаковыми, все чаще и чаще стали говорить о нивелировании личности. В самом деле, по определению, личность неповторима, даже если лица и жесты людей в их стремлении к всеобщему становятся похожими друг на друга. И все же поиск своеобразия сегодня отходит на второй план, становится, если так можно сказать, побочным явлением в жизни личности.

Основатель персонализма Э. Мунье пишет: «Герой в пылу сражения, любовник в порыве страсти, художник, охваченный творчеством, святой, одержимый любовью к Богу – все они, достигая вершин личностной жизни, никак не стремятся выделиться, стать оригинальными; их взгляд не скользит поверх вещей, они заодно с тем, чем поглощены, во власти чего находятся. Более того, достигнув

4 Межуев В.М. Указ соч. С. 123.

вершин существования, они обретают своего рода «высшую простоту», свойственную и обыкновенному человеку. Эту простоту постичь невозможно, как невозможно запечатлеть ее и с помощью красок; вот почему так трудно писать поэмы о любви и живописать добродетель»⁵. Кьеркегор, которому порой были свойственны крайние суждения, писал: «Истинно необычный человек – это, по сути, самый обычный человек»⁶.

Так что же лучше: с помощью (*своей*) национальной культуры и ее традиций стать исключительным, самобытным и оригинальным человеком, или с помощью глобализационного «усреднения», принятия (*чужого*) – стать одним из многих? Хочется сказать: все плохо, ибо, в *чужом* я теряю себя, отрекаясь от своего, но и предаваясь *своему*, я также теряю себя. Существовать – значит говорить «да», соглашаться с чем-то, присоединяться к чему-то. Однако, если я со всем соглашаюсь и никогда ничего не отвергаю – ни вовне, ни в самом себе, то я увязаю внутри себя.

5 Мунье Э. Манифест персонализма. – М.: Республика, 1999. – С. 493-494.

6 Цит. по: Долгов К.М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. – М.: Искусство, 1990. – С. 34.

Наверное, рациональнее прислушаться к мнению Ясперса, который полагал, что быть личностью – значит уметь говорить и «нет», протестовать и даже отречься от себя.

Политики, лидеры и активисты различных общественных организаций, культурологи, историки, этнографы, фольклористы и музееведы внушают публике, что культурные традиции священны и неприкосновенны. Где-то в глубине души я и сам разделяю эту точку зрения. При этом в своих публикациях я всегда подчеркивал, что далеко *не все аспекты культуры*, в том числе и традиции, обязательно *положительны* и во всем соответствуют времени. Так на культуру смотрят лишь работники практически всех, от Владивостока до Лиссабона, министерств культуры, которые под культурой понимают все то, что радует глаз и ухо, т.е. они сужают свое понимание культуры до уровня искусства, которое, в общем-то, занимает лишь миллионную часть культуры.

Это, кстати сказать, на мой взгляд, одна из самых главных причин, почему отрасль культуры в нашей стране всегда торчала и будет торчать на самом последнем месте в бюджетах всех уровней. Кто же даст серьезные деньги только «под музыку Вивальди»

ди, под славный клавесин»? Ведь эти министерства «брезгают» заниматься хотя и негативными, но абсолютно культурными явлениями, как проституция, наркомания, пьянство, низкая культура производства и быта и пр.

В результате такого искаженного, метафизического понимания культуры и родились такое совершенно неуклюже понятие, как «контркультура». Полагают, что культура – это все хорошее, а контркультура – это все мерзопакостное. Между тем, контркультура всего одна – это Природа, которая еще не культура, а культура уже не природа. Вот когда наши уважаемые министерства и ведомства культуры поймут это, займутся чем-нибудь еще кроме искусства, тогда и деньги получат от государства. А так – нам придется еще очень долго восхищаться произведениями искусства эпохи Перикла, изредка ходить на вернисажи безо всякой надежды на существенное повышение культурного уровня всех слоев нашего населения.

Продолжая прерванную мысль, отмечу, что любая национальная традиции, как и вся культура в целом – категория сугубо диалектичная. Как гласит японская пословица: «И в каплях слез – улыбается солнце». Вот почему

все традиции нужно пересматривать, и решать, какие из них нужно сохранять, а от каких стоит избавиться. Не надо догматично цепляться за каждую традицию лишь только потому, что она выражает смысл своего времени. Если какая-либо традиция просуществовала не одну тысячу лет, это вовсе не означает, что она должна быть сохранена любой ценой и считаться священной. При этом надо еще доказать, что эта традиция «своя», а не «чужая» и не завезена нам когда-то из тридесятого государства.

Есть традиции в высшей степени жестокие (например, обрезание у женщин) или дискриминационные (ношение паранджи). Русская традиция о роли женщины в семье во времена Ивана Грозного была даже официально закреплена в первом нравственном кодексе «Домострое». Она выражалась краткой формулой: «У бабы дорога – от печи до порога». Если мы сегодня восстановим это «свою» национальную традицию, то Россия рухнет в одночасье, хотя бы по причине того, что женщины составляют абсолютное большинство во многих жизненно важных отраслях народного хозяйства. В становлении современного статуса женщины (ликвидации домостроевской традиции)

мы использовали «чужое» и оно, это «чужое» – оказалось более продуктивным, нежели доморощенное «свое» и давно уже стало «нашим».

Успехи экономического развития современной Японии, Кореи, Китая, Гонконга, Индии и др. во многом могут быть объяснены своевременным отказом от архаичных традиций ориентации на религию, и переориентации на науку, как это давно было сделано в западных странах. Переход на прогрессивные западные технологии, их соединение с национальными традициями уважения к старшим, иерархии, почитанию предков, дисциплины, трудолюбия в кратчайший исторический срок вывели эти страны в число высокоразвитых государств современного мира. И в этом случае четко прослеживается предлагаемый автором статьи алгоритм, выражаемый формулой: *Свое – Чужое – Наше*.

Недавние события на Манежной площади в Москве обязывают всех нас серьезно задуматься над современными смыслами «своей» и «чужой» культуры. Провокационность многолетнего поведения некоторых молодых людей – выходцев с Кавказа и государств Средней Азии, или наших скинхедов для меня вполне очевидна, ибо я, бывая в командировках

в Москве, все это видел не один раз. Поэтому выходцам из инокультурной среды, как, впрочем, и иммигрантам вообще, следует помнить, что некоторые из их обычаев входят в конфликт с образом жизни и культуры их новой родины. Открыто гордясь своей национальной культурой и щеголяя своими традициями и обычаями, некоторые иммигранты не понимают, что тем самым они могут вызвать негативную реакцию со стороны местного населения. Это неизбежно ведет к этническим и расовым трениям.

И своим, и чужим псевдопатриотам стоит напомнить, что Родину по-настоящему любит тот, кто не любит толпу. По-настоящему любит демократию (власть народа), а не охлократию (власть толпы) или власть олигархов. И что патриотичностью у нас на всем пост-советском пространстве нередко называется потакание первобытным инстинктам: местничеству, землячеству, лени, ксенофобии. Кто наделен этими чертами в превосходной степени, тот и патриот.

Я глубоко убежден в том, что любые национальные традиции и культура должны ограничиваться рамками только своей этнической общины и семейного очага. Импортируемые традиции и обычаи следует рассма-

тривать и практиковать не как образ жизни, а как форму искусства. Мы можем знакомить людей других национальностей (*чужих*) со *своей* (нашей) культурой и ее богатством через театр, музыку, живопись, литературу... Нам уже давно пора избавиться от племенных инстинктов и выпячивать наши культурные различия (а мы, начиная с 90-х годов, только этим и занимаемся, усердно выполняя провокационный завет Ельцина о «глотании» суверенитетов). Между тем наступило время не *разбрасывать*, а *собирать* камни. В людях чужой культуры надо искать не столько то, что нас разделяет (*чужое*), а то, что нас объединяет. А последнего – всегда больше. В итоге мы создадим гуманное – *Наше*. Только этим путем мы скорее сможем построить общество равноправных граждан, независимо от их этнической принадлежности, ценностей культурного наследия и традиций.

В одной из книг русского философа-эмигранта, выпускника МГУ Владимира Васина прочитал, что «в Канаде существует Министерство мультикультуризма, которое призывает канадцев «праздновать различия»⁷.

7 Васин В. 11-я заповедь: Отчаянная попытка просветить современного варвара. – М.: ТОО «Кириллица», 1994. – С. 7.

Невольно возникает вопрос: для чего? Ведь именно различия разъединяют людей и порождают дисгармонию в обществе. В реальной жизни различия этнических культур создают скорее проблемы, чем способствуют их решению. Оставайся таким, каким ты есть, если хочешь и можешь, но не кичись своей самобытностью и не навязывай своей культуры другим народам. Но, с другой стороны, если все народы будут носить одинаковые джинсы, жевать один и тот же «Орбит», петь одни и те же песни – жизнь потеряет всякий смысл из-за потери самобытности. Что же нам делать в подобной ситуации?

Мне представляется, что в многонациональной России нам давно пора начать серьезную переоценку не только *своих*, но и насильственно внедряемых нам сегодня *чужих* традиций и обычаев. Ревизия, а затем и синтез «продуктов» такой переоценки даст нам желаемое – *Наше*. В этом деликатном деле чрезвычайно велика роль не только общества, но и государства, однако, пока что оно «умывает руки», а в это время негативные, антигуманные традиции, главным образом, с помощью СМИ, активно внедряются в наше общество. Критерий отбора чужого должен быть один – *гуманизм*.

Работает такая «чужая» традиция на человеколюбие, на возвышение нравственности человека – стоит ее сделать «своей». Не работает – потакать ей во имя будущего просто преступно.

Вместе с тем следует помнить, что, лишь глядя в «зеркало» «чужого сознания», можно попытаться увидеть и понять себя соотносительно «чужому» или «другому». «Чужая культура, – писал М.М. Бахтин, – только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур»⁸.

В связи с этим в гипотетических представлениях мне видится пока что три сценария решения человеческих проблем. По *первому* из них все человечество когда-нибудь все равно *объединится* в общепланетарную «нацию», стремящуюся

сохранить только те интернациональные традиции, которые возвышают и облагораживают человека, способствуют его дальнейшей гуманизации. И первые шаги к этому – стремительное распространение глобализации, создание международной компьютерной сети, ломки национальных границ, объединении национальных валют в Европе, росте межнациональных браков во всем мире – красноречивое тому свидетельство.

Однако эти же факторы могут детерминировать и развитие событий по *второму*, дезинтеграционному сценарию. Этот сценарий, условно говоря, может *разъединить* человечество по дихотомиям культур: «Восток – Запад» и «Север – Юг», или по религиям, например, ислам – христианство, язычество – буддизм. И такие тенденции мы можем обнаружить сегодня без особого труда.

И, наконец, *третий* сценарий, который в большей степени касается России. Сегодняшняя Россия, бездумно прикрывающаяся *евразийской* идеологией в самых разных ее исполнениях, напоминает двуликого Януса, потому что, прикрывая свою расовую и культурную неопределенность, оправдывает её некой мифоло-

⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – С. 333.

гемой «третьего пути». Именно за это Россию ненавидит Восток, ибо она мыслится ему как неумелый эпигон Запада. Ну а Запад, в свою очередь, не принимает Россию за ее неизбывную азиатчину. Именно в этом наша беда.

Нас не любят за то, что уже несколько столетий подряд мы пытаемся усидеть меж двух стульев. Мы до сих пор не примкнули ни к чему, все выхаживая наше мичуринское древо «третьего пути». «Именно поэтому, – как полагает В.Б. Авдеев, – нашествия на Россию происходят и с Запада и с Востока, ибо и тот и другой видит в ней врага и угрозу. Очень жаль, что, выбрав «третий путь», мы окружили себя врагами, не приобретя надежных союзников»⁹.

Формировать и беречь культурные ценности надо прежде всего *СВОИ*, пусть даже если они и были изначально не наши – *ЧУЖИЕ*, а не хвататься бездумно по очереди то за западные, то за восточные, то за общечеловеческие, то за евразийские. В этом мне видится залог успеха в формировании могучей, а главное, самодостаточной России.

⁹ Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. Серия «Библиотека расовой мысли». – М.: «Белые Альвы», 2002. – С. 53.

Список литературных источников использованных автором

1. Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. Серия «Библиотека расовой мысли». – М.: «Белые Альвы», 2002. – 256 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бердяев Н.А. Утопия // Русская философия в конце XIX начале XX веков. – М., 1990.
4. Васин В. 11-я заповедь: Отчаянная попытка просветить современного варвара. – М.: ТОО «Кириллица», 1994. – 160 с.
5. Долгов К.М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. – М.: Искусство, 1990. – 399 с.
6. Казанский Б. В. Приключения слов. – СПб.: Авалонь, Азбука-классика, 2008. – 256 с.
7. Межуев В.М. Свое и чужое в культуре // Теоретическая культурология. – М., 2005.
8. Мунье Э. Манифест персонализма. – М.: Республика, 1999. – 559 с.

Their own – someone's else – as our algorithm for cultural development

Kurguzov Vladimir Lukich

Doctor of Cultural Studies, PhD (History), head of Cultural and socio-cultural anthropology Department of East Siberian State Technological University, Post Box 670013, Klyuchevskaya st., No. 40-V, Ulan-Ude, The Republic of Buryatia, Russia; e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Abstract

To determine what is "self" in the culture of human and what is of "someone's else" is quite difficult. The author seems to stick to the point that a person except his corporeal and the purely personal (pure, without any foreign influence) of creative ideas and actions in general has all "foreign", or rather thrown in a by "foreign" culture. No one has ever discovered culture pure in its origin without any borrowings. Such culture does not exist. It is always a conglomerate of "own" and "others". On the example of borrowing in language you can see that the dichotomy the Us and Them with time fuses in a dialectical unity and generates a triad: "Own – Others' – Our". A time to cast stones passed, it's time to collect them. So, today, in a foreign culture one better not ask for what divides us, but what unites us. The last thing is always more. As a result, we obtain the humane "ours". Algorithm of development of culture: "Own – Others' – Our" is universal, both in time and space of the culture.

It seems to me that in multiethnic Russia's high time we start seriously re-evaluate not only our own, but also forcibly introduced to us today foreign customs and traditions. Revision and then the synthesis of "products" of such revaluation would give us the desired – Ours. Selection criterion for "not ours" should be – humanism. Such a "stranger's" tradition works for philanthropy, the rise of moral rights – it is worth to make it "our own". And if it does not work – it is just criminal to indulge her in the name of the future. In other words, we must not forget that the attitude toward the "stranger" (the other) may differ from admiration and imitation to criticism and rejection. And do not be afraid. This is normal!

Therefore, in the hypothetical views as I see so far, there are three scenarios of solutions to human problems. On the first of which mankind will some day unite into a general planetary "nation", which tends to retain only those international practices that elevate and ennoble man, contribute to its further humanization.

Events may occur in the second, disintegration scenario. This scenario is, relatively speaking, dividing mankind by dichotomies of cultures: "East – West" and "North – South", or religions, e.g. Islam – Christianity, paganism – Buddhism. And these trends we can find today without much difficulty.

And finally, the third scenario, which to a greater extent concerns Russia. Today's Russia, mindlessly covering the Eurasian ideology in its various versions, is like two-faced Janus, because covering their racial and cultural uncertainty, it justifies some mythologeme of the "third way". That's what Russia does not like the East for, for Russia is always thought of as an inept imitator of the West. But the West, in its turn, does not take Russia for its habitual Asiaticness.

They do not like us, because for several centuries we are trying to sit in a row between two chairs. We still have not joined to anything, planting Michurin's tree of the "third way". It is unfortunate that by choosing a "third way", we have surrounded ourselves with the enemies without acquiring reliable allies. Developing and protecting cultural values is necessary, above all their own, even if they were originally not ours but theirs, not thoughtlessly grab one by one, over the west, then east for, then a human, then for the Eurasian. This seems to me the key to success in building powerful, and most importantly self-sufficient Russia.

Keywords

Culture, algorithm, own, someone else's, ours, tradition, memory, word, language, drawing, selection, synthesis, humanism.

References

1. Avdeev V.B. Metaphysical anthropology. A series of "Library of racial thought". – Moscow: Belye Al'vy, 2002. – 256 p.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity / Comp. Bocharov S.G. – Moscow: Iskusstvo, 1979. – 424 p.

3. Berdyaev N.A. Utopia // Russian philosophy in the late XIX – early twentieth centuries. – Moscow, 1990.
4. Vasin V. The 11th commandment: Desperate attempt to enlighten the modern barbarian. – Moscow: Kirillitsa, 1994. – 160 p.
5. Dolgov K.M. From Kierkegaard to Camus: Essays on European philosophical and aesthetic ideas of the twentieth century. – Moscow: Iskusstvo, 1990. – 399 p.
6. Kazanskii B. V. Adventures of words. – St. Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika, 2008. – 256 p.
7. Mezhuiev V.M. The "Us and Them" in the culture // Theoretical Cultural Studies. – Moscow, 2005.
8. Mounier E. Manifesto of personalism. – Moscow: Respublika, 1999. – 559 p.